

Памяти Роберта Фроста

□
Константин СИМОНОВ
□

Еще несколько месяцев назад, летом прошлого года, он сидел у меня дома, за тем столом, за которым я сейчас, опечаленный вестью о его кончине, пишу эти строки.

Он сидел после ужина за моим письменным столом и чуть-чуть подрагивавшей старческой, но еще крепкой узловатой рукой надписывал свои книги своим новым московским друзьям.

И вот телеграф принес горькие строки о том, что Роберта Фроста больше нет.

Когда человек, которому подошло уже под девяносто, пересекает океан для того, чтобы увидеть далекую, не знакомую ему страну социализма, когда этот человек — поэт и его поездка есть результат душевной необходимости, живого интереса старого телом, но еще сильного душой человека к другому миру и к другой поэзии, то об этой поездке нельзя вспоминать без волнения и поэтической признательности.

У Роберта Фроста во время его поездки к нам было свидание с Никитой Сергеевичем Хрущевым, и он с глубоким удовлетворением вспоминал об этом свидании, возвратившись обратно в Москву с юга, куда он летал к главе Советского правительства.

Фрост встречался в Москве с многочисленными читателями своих стихов — и теми, что знали их, эти стихи, в переводах, и с теми, тоже многочисленными, которые знали их в подлиннике.

Фрост видел тот громадный интерес к поэзии, который существует в нашей стране и закономерная часть которого — большой и живой интерес к современной американской поэзии, одним из самых блистательных представителей которой был он сам — Роберт Фрост.

Я вспоминаю сейчас обо всем этом, потому что в самом приезде этого патриарха американской поэзии в нашу страну в последний год его жизни было что-то необыкновенное, значительное и прекрасное, говорящее о том, что настоящая поэзия действительно сближает сердца людей и народов.

Его приезд к нам остался в нашем сердце так же, как в нем остались его стихи.

Многие стихи Роберта Фроста уже переведены на русский язык, многие переводятся. И нет сомнений, что через какое-то время на

книжные полки любителей поэзии ляжет том стихов Фроста на русском языке, и я думаю, что это будет лучшим венком, который наша литература может положить на могилу выдающегося американского поэта.

Мне в отсутствие Фроста довелось председательствовать на вечере, посвященном его творчеству. Тысячная молодая аудитория с глубоким вниманием слушала на этом вечере многие, многие стихи Фроста, переведенные на русский язык нашими поэтами и переводчиками с тем блеском, соединенным с тщательностью, которые отличают нашу советскую переводческую школу.

Вспоминая сегодня Роберта Фроста, я не могу не думать об этом вечере в большой молодежной аудитории, где звучали и жили на русском языке стихи великого американца.

Я вспоминаю и ту, нашу первую встречу с Фростом в Америке, в его старом доме; вспоминаю его узловатые руки лесоруба, его старое, изборожденное морщинами прекрасное сильное лицо, его глухой, крепкий голос, которым он читал свои стихи.

Я мог бы в заключение этой маленькой заметки, которую мне очень грустно писать, сказать те справедливые слова, которые обыч-

но говорят в этих случаях. Слова о том, что, когда хороший поэт умирает, стихи его продолжают жить.

Но мне хочется сказать об этом не своими словами, а словами литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса, побывавшего в доме Фроста в Америке, и еще тогда, после той, первой, встречи, написавшего о Роберте Фросте так:

Поэт читает, глядя на огонь,
стихи о человеке и дороге.
Он в тех годах, когда уже
не шутят, произнося слова:
конец дороги. Он говорит их
весело и просто, как будто
видит там, за горизонтом, стихи,
идушие своей дорогой,
гораздо дальше жизни
человека...

Вместе с американскими поэтами, вместе с американскими читателями стихов Роберта Фроста мы скорбим о тяжелой утрате.